

НА РУБЕЖЕ ДВУХ СТОЛЕТИЙ

Сборник в честь 60-летия
Александра Васильевича Лаврова

Составители

Всеволод Багно, Джон Малмстад, Мария Маликова

Москва: Новое литературное обозрение
Санкт-Петербург: Институт русской литературы
(Пушкинский Дом) РАН
2009

Мариэтта Турьян (Санкт-Петербург)

В. Ф. ОДОЕВСКИЙ И В. А. ЖУКОВСКИЙ

Из архивных изысканий

Не будучи специалистом по эпохе, близкой сердцу и интересам дорогого юбиляра, но непременно желая внести свою скромную лепту в общие поздравления, я позволила себе лукаво воспользоваться «вневременным» пристрастием Александра Васильевича к архивным разысканиям — тем более что тема предлагаемой публикации принадлежит к разряду «вечных». Надеюсь, эта вольность мне великодушно простится.

В 1847 году Владимир Федорович Одоевский, путешествуя по Германии, остановился на два дня в Дюссельдорфе, где в это время находился В. А. Жуковский. Эта заграничная поездка была для Одоевского не просто *partie de plaisir*: будучи с 1838 года научным консультантом по вопросам педагогики в Ученом комитете Министерства государственных имуществ, занимавшемся, в частности, учреждением начальных школ, он знакомился с аналогичными учебными заведениями в Европе. В Дюссельдорфе ему предстояло посетить францисканскую «реальную» школу (или, как мы сказали бы теперь, реальное училище), но этот, хотя и важный, «командировочный» визит он отложил на второй день, ибо первый — 4 (16) августа — полностью был отдан другу, с которым не виделся шесть лет. Впечатления, видимо, очень жданной встречи отложились на страницах путевых записок писателя. Имя Жуковского начинает мелькать в его дорожных заметках уже на пути из Майнца в Дюссельдорф; например: «Все книгопродавцы знают Жуковского».

Трудно противостоять соблазну и не воспроизвести первые общие впечатления Одоевского от города, где жил наш великий поэт: «В Дюссельдорфе люди развязнее, дома голландские, собаки прекрасные, женщины тоже, мушины уроды. — На улицах вонь почти берлинская — нельзя отворить окошка. То же и в Висбадене и в Маинце; в большей части немецких городов вонь от того что нечистоту из разных этажей сливают в дождевые дельорты <?>»,

из которых смрадной поток течет по уличным канавам. Что за варварство!»¹

Для Жуковского встреча с Одоевским была, конечно, не менее желанной: она сулила не только не частую в чужих краях беседу по душам, но и радостную возможность щедро раскрыть перед старинным приятелем свой литературный портфель. Содержание его счастливо сохранил для нас Одоевский в своей, приводящейся ниже, дневниковой записи.

Особую ценность представляет в ней пересказ двух задуманных Жуковским поэм, сфокусировавших его этико-религиозное мироощущение поздней творческой поры. Замысел первой из них — об Иоанне д'Арк, — нигде более не зафиксированный, вообще, кажется, до сего времени исследователям творчества Жуковского оставался неизвестен: считалось, что сюжету об Орлеанской деве он отдал дань своим ранним переводом шиллеровской поэмы, ставшим, по авторитетному слову Л. Киселевой, «одним из первых крупных историософских произведений поэта»². По воспоминаниям К. Зейдлица, Жуковскому уже тогда был по сердцу «поэтический сомнамбулизм Иоанны»³. Намереваясь вновь вернуться к этому сюжету, поэт — если позволительно, с изрядной долей гипотетичности, судить по лаконичной записи Одоевского — на этот раз предполагал сосредоточиться лишь на ключевом провиденциальном эпизоде истории Иоанны д'Арк.

Известно, что духовником ее был отец Жан Паскерель (Jean Pasquerel), назначенный дофином, будущим королем Франции Карлом VII, сопровождать Иоанну во время военных действий. Согласно его авторитетному свидетельству, зафиксированному в материалах процесса 1455 года, посвященного реабилитации Орлеанской девы, Иоанне было видение: представшие перед ней посланцы ее Покровителя (Бога) известили Деву, что ей надлежит выступить и поднять стяг Покровителя, который она и приказала изготовить, — с изображением Господа, благословляющего лилию в руках ангела. Отец Паскерель находился в Туре как раз в то время, когда этот легендарный стяг был там изготовлен⁴.

¹ ОР РНБ. Ф. 539 (В. Ф. Одоевский). Оп. 1. № 52. Л. 139, 140.

² Подробнее см.: *Киселева Л.* «Орлеанская дева» Жуковского как национальная трагедия // *Studia Russica Helsingiensia et Tartuensia* Тарту, 2002. VIII. История и историософия в литературном преломлении. С. 134—162.

³ *Зейдлиц К. К.* Жизнь и поэзия В. А. Жуковского: 1783—1852. По неизданным источникам и личным воспоминаниям. СПб., 1883. С. 129.

⁴ Сведения эти представлены в экспозиции Музея Жанны д'Арк в Руане (Maison de Jeanne d'Arc, Rouen), в разделе «Стяги Жанны» («Les étendards de Jeanne», экспозиция 1990 г.). За помощь в разыскании этих данных выражаю глубокую признательность П. Р. Заборову. См. также: *Gœrres G.* Jeanne d'Arc d'après les chroniques contemporaines / Trad. de l'allemand par M. Léon Boré. Paris; Lyon, 1843.

Трудно переоценить и записанный Одоевским пересказ поэмы об Агасфере — незавершенной «лебединой песни» Жуковско-го⁵. При том, что сама история этого замысла едва исследована и расплывчато документирована, зафиксированный Одоевским вариант представляет интерес чрезвычайный. В этой версии, рассказанной ему Жуковским, судя по некоторым признакам, поэт преимущественно опирается на ранние источники легенды. Здесь отсутствует еще второй, едва ли не равновеликий, персонаж поэмы — Наполеон — и связанный с этим позднейший сюжетно-композиционный ход, организующий окончательный текст: исповедь Агасфера отчаявшемуся пленнику острова Св. Елены. Есть и иные сюжетные расхождения, касающиеся странствий и испытаний Вечного жиды (см. примеч. к публикации). В этой связи примечательной представляется и внесенная Одоевским между строк и показавшаяся ему, очевидно, важной помета: «крестовые походы». Как можно предположить, она также свидетельствует о том, что в рассказе Жуковского в той или иной форме прозвучала апелляция к ранним вариантам легенды, относящейся как раз к эпохе крестовых походов, что, следует заметить, никак не акцентировано в окончательном тексте. Между тем это известная версия о Вечном жиде, фигурировавшем еще под именем Картафила — покаявшемся оскорбителе Христа, принявшем крещение и каноны праведной жизни⁶.

Совпадающие топики позднее были развернуты в универсальную психологически и философски осмысленную историческую панораму. Однако к моменту свидания с Одоевским доминирующая в поэме этико-религиозная концепция сформировалась в художественном сознании поэта с предельной ясностью — и так же ясно, концентрированно запечатлел ее Владимир Федорович: Агасфер, через страдания постигший мудрость Христа, смиренно преклонил перед Ним свою гордую главу и сделался адептом Его учения. Во искупление греха ему не дается все же благо смерти, но даются молитва и сон (ср. в окончательном тексте: «...я бунтующую волю / Свою убил пред алтарем Господним... Я с Ним, Он мой, в Нем все, Им все: / Все от Него... Я казнь мою всем сердцем возлюбил...»).

На фоне многоликой и многосмысловой агасферианы в литературе европейского романтизма, испытывавшей всплеск интереса к этому «вечному» сюжету, «Агасфер» Жуковского, сохраняя все признаки романтической эсхатологии, тем не менее отразил прежде

⁵ Впервые посмертно: *Жуковский В.* Агасфер. Странствующий жид // Жуковский В. Соч. 5-е изд. СПб., 1857. Т. 10.

⁶ См.: *Аверинцев С. С.* Агасфер // Мифы народов мира: Энциклопедия: В 2 т. М., 1980. Т. 1. С. 34.

всего «одиссею человеческого духа», мучительный внутренний путь к откровению веры не отвлеченного героя апокрифической легенды, но Человека:

Я Агасвер живой, с костями, с кровью,
Текущей в жилах, с чувствующим сердцем
И с помнящей минувшее душою...

«Вочеловеченная» трагедия вечного скитальца, взыскующего высшей истины и обретающего ее в христианском смирении, венчает путь нравственно-религиозных поисков самого Жуковского⁷.

Если попытаться сформулировать основную отличительную особенность последнего художественного создания Жуковского, то, наверное, воспользовавшись типологическим определением С. С. Аверинцева, можно сказать, что его герой не «предмет творческой фантазии», но «предмет веры». И ценность дневниковой записи Одоевского, на наш взгляд, состоит как раз в том, что она лаконично и рельефно концентрирует в себе эту главную мысль поэта.

Подобный «конспект» одного из наиболее своеобразных и едва ли не последних образцов русской романтической агасферианы, выразительный своей наглядностью, легко может быть сопоставлен с «новым» Агасфером, вновь возникшим после полувекового затишья перед русским читателем: мощный образ бунтаря и скитальца, таящий в себе широкие интерпретационные возможности, опять оказался востребован. Однако Вечный жид наступившего столетия был изъят его толкователями из лона религиозной философии и возвращен в поле литературной легенды, причем в обстановке развивавшегося политического и общественного кризиса сильно идеологизированной. При этом особенно важен для нас тот факт, что новые версии неизменно опирались на те же «классические» источники, которыми пользовались романтики, в том числе и Жуковский. Вот некоторые из этих версий.

Уже в 1899 году в Москве выходит «драматическая легенда» в пяти действиях «Вечный жид» малоприметного, но уловившего нарождающиеся тенденции литератора Павла Андреевича Васильева. Отталкиваясь от глубоко рефлексивной гетевской концепции идеологического противостояния Иисуса и Агасфера, он трансформирует ее довольно грубо. Его Агасфер — изначально убежденный, чуждый покаяния противник и оппонент проповедника из Гали-

⁷ Подробнее см.: Янушкевич А. С. В мире Жуковского. М., 2006. С. 291—296; также: Киселева Л. Легенда о Вечном жиде в замыслах Пушкина и Жуковского: (К постановке проблемы) // Коран и Библия в творчестве А. С. Пушкина. Jerusalem, 2000. С. 93—100.

леи, сам претендующий на роль пророка — роль и успех, которые предвосхитил «пришелец», — снедаем тайным тщеславием. Он сражается на два фронта — не только против Иисуса («Нет! Нет! Нет! Вы не заставите меня нести позорный крест; я не сообщник его... я не признаю его учения»), но и против фарисеев, которых обвиняет в отсталости и нетерпимости. Однако высокопарные инвективы новоявленного Мессии — глашатая возрождения Израиля — темны и не находят поддержки. «Чему ты поклоняться хочешь?» — вопрошает его друг Иаков. Более того, «идеология» пьесы Васильева — вовсе не отвлеченного рода: будучи сотрудником «Нового времени», он вкладывает в содержание своего произведения вполне соответствующий духу суворинского издания политический смысл, высмеивая и обличая паству Иисуса: «...больные, нищие, калеки, ротозеи — вот слава нового учителя. Таково ли величие избранника и избавителя народа? Нет, он ненадежен для нас. Кто ищет опору в такой толпе, тот ею же будет осмеян. Царств не создает толпа»⁸.

В 1909 году увидела свет небольшая книжка А. В. Костицына «Вечный жид. Очерки из истории легенды». Основной репертуар европейской агасферианы представлен здесь исключительно в качестве разнообразных *литературных* воплощений «простой легенды», дающей для этого «богатейший материал»: «Сколько должен передумать и пережить человек, который везде ходит, все видит, который может участвовать во всех событиях в течение тысячелетий! Нельзя и придумать лучшего героя для поэмы, романа, драмы, элегии, баллады». Читателям был представлен отнюдь не «вечеловеченный» персонаж, но «предмет творческой фантазии», выведенный за пределы серьезной историософии и религиозной этики⁹.

И наконец, самая известная публикация начала XX века на тему о Вечном жиде — небольшая целенаправленно подобранная антология, изданная М. Горьким, в которую он включил наиболее известные поэмы, сконцентрированные преимущественно на личности героя и также, между прочим, находившиеся в поле зрения Жуковского. Это «Вечный жид» (1787) поэта «бури и натиска» К. Ф. Д. Шубарта, разработавшего сюжет в духе радикального просветительства, и «лирическая рапсодия» австрийца Николауса Ленау «Агасвер, Вечный жид» (1836—1838), пронизанная романтической рефлексией¹⁰. Третье вошедшее в антологию произведение —

⁸ Васильев П. А. Вечный жид: Драматическая легенда в 5-ти действиях. М., 1899. С. 22, 26, 40, 69.

⁹ Костицын А. В. Вечный жид: Очерки из истории легенды. Смоленск, 1909.

¹⁰ См.: Янушкевич А. С. В мире Жуковского. С. 291 (примеч. 59), 293.

баллада в стиле народной песни — принадлежит перу певца Французской революции Пьера Беранже («Le Juif Errant», 1831). В открывающем книгу предисловии Горький, выступая, между прочим, убежденным защитником иудаизма, отразившего безусловно прогрессивные принципы еврейского национального сознания, разворачивает внеконфессиональную и, по сути, антирелигиозную ретроспективу исторических и психологических предпосылок возникновения легенды, подчиненную основной мысли писателя: Христос был одним из новаторов, идущих впереди жизни и терпящих за это муки¹¹.

«Вочеловеченный» же Вечный скиталец в ипостаси «предмета веры» надолго покидает и страницы новой литературы, и новое читательское сознание.

В. Ф. ОДОЕВСКИЙ. ПУТЕВЫЕ ЗАПИСКИ 1847 ГОДА¹²

4/16 августа /вторник/ Дюссельдорф

Жуковский перевел всего Наля¹³, две песни Одиссея; в его [экземпляре] рукописи на одной стороне греческий подлинник; каждое слово переведено надстрочно по-русски и по-немецки с грамматическими замечаниями, на другой стороне его перевод сперва карандашом, потом чернилами¹⁴.

Он рассказывал мне содержание двух поэм; одна в роде легенды: Монах бывший духовник Иоанны д'Арк рассказывает [об ней] ея историю.

¹¹ Легенда об Агасфере — «Вечном жиде»: Поэмы Шубарта, Ленау и Беранже / Предисл. М. Горького. Пб., 1919.

¹² ОР РНБ. Ф. 539 (В. Ф. Одоевский). Оп. 1. № 52. Л. 143—146.

¹³ Эпос «Наль и Дамаанти» (1837—1841) был к этому времени уже опубликован отдельным изданием: Наль и Дамаанти: Индейская повесть В. А. Жуковского. СПб., 1844.

¹⁴ О переводе каких именно двух песен «Одиссеи» Гомера идет речь, не ясно. Работа над этим переводом проходила в два этапа: первые 12 песен поэт перевел в 1842—1844 гг., перевод песен 13—24 пал на 1848—1849 гг. Однако несомненная ценность этого свидетельства Одоевского — в подробном описании виденной им рукописи Жуковского. Ср. письмо последнего к С. С. Уварову от 12(24) сентября 1847 г.: «В Дюссельдорфе я нашел профессора Грасгофа, великого эллиниста, который в особенности занимается объяснением Гомера. Он взял на себя помочь моему невежеству. Собственноручно, весьма четко он переписал мне в оригинале всю “Одиссею”; под каждым греческим словом поставил немецкое слово и под каждым немецким — грамматический смысл оригинального. Таким образом, я мог иметь перед собою весь буквальный смысл “Одиссеи” и иметь перед глазами весь порядок слов...» (Жуковский В. А. Собр. соч.: В 4 т. М.; Л., 1960. Т. 4. С. 658—659).

Другая Вечный Жид; Ахасверус¹⁵ отталкивает Христа несущего крест; Христос Ему говорит:

Ты будешь жить, пока [я не приду] я не приду.

Ахасверус пораженный сими словами, остается в изумлении. Все оставили город, он остается один; тьма — землетрясение — рассказы о воскресении; исполняется пророчество — Иерусалим разрушен — все умирает вокруг Ахасверуса — он остается один, идет в Италию¹⁶; долгая жизнь надоедает ему — и тем более он ненавидит Христа; извержение Етны — Ахасверус бросается в лаву, она сжигает его, он чувствует все терзания но встает живой¹⁷; он бросается к зверям, но жив¹⁸; мученики — он видит [их] торжественное мученичество христиан; это поражает его; он возвращается в Ерусалим — его потомки рассказывают ему его собственную историю; крестовые походы¹⁹. Наконец слова Христа Ахасверусу делаются понятны и он смиряет свою гордость, делается христианином; жизнь его не прекращается, но ему дается молитва и сон.

¹⁵ Ahasuerus (*лат.*); позднелатинским вариантом имени: Ahasverus — Вечный жид назван в немецкой народной книге «Краткое описание и рассказ о некоем еврее по имени Ахасверус» (1602).

¹⁶ Упоминание Италии, отсутствующее в окончательном тексте поэмы в качестве отдельного развернутого эпизода, адресует к одному из ранних — итальянскому — варианту легенды, бытовавшей там уже в XIII в.; несколько известных ее версий относятся и к началу XV в. — см.: *Базинер О. Ф.* Легенда об Агасвере или Вечном жиде и ее поэтическое развитие во всемирной литературе // *Варшавские университетские известия.* 1905. Кн. 3. С. 9—10.

¹⁷ В жерло Этны Агасфер бросается в поэме Шубарта. В окончательном тексте Этна заменена Везувием и гибелью Помпеи.

¹⁸ Фраза: «он бросается к зверям, но жив» — вписана.

¹⁹ Слова: «крестовые походы» — вписаны.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Всеволод Багно</i> . Врачеватель забытого	5
<i>Джон Малмстад</i> . Так было	8
<i>Константин Азадовский</i> . Тайна сестер Высоцких (к теме «Рильке и Борис Пастернак»)	12
<i>Антонелла д'Амелия</i> . К истории «автобиографической» маски Александра Бенуа	28
<i>Всеволод Багно</i> . Эксперименты Мережковского над вечным спутником (Жизнь есть сон, или Поклонение кресту)	41
<i>Михаил Безродный</i> . Мандельштам и символизм: Две заметки к теме	50
<i>Владимир Белоус</i> . Об одном инциденте в петербургском Религиозно-философском обществе и его последствиях	55
<i>Аркадий Блюмбаум</i> . Аполлон и лягушка	70
<i>Николай Богомолов</i> . Из заметок о русском модернизме	86
<i>Юлия Галанина</i> . К истории петербургского «Дома интермедий» (по неизданной переписке А. А. Голубева и Е. М. Мунт)	94
<i>Стефано Гардзонио</i> . Статья А. Н. Колпинской о Ю. Балтрушайтисе в журнале «Rassegna Contemporanea»	120
Письма Н. И. Петровской из Рима (1919—1922). Публикация <i>Эльды Гарэтто</i>	126
Речь Иннокентия Анненского о Кирилле и Мефодии. Публикация <i>Владимира Гитина</i>	137
<i>Алла Грачева</i> . Герой французского романа и его русский прототип (Алексей Ремизов в романе «Княжеские ночи» Ж. Кесселя)	150
<i>Сергей Гречишкин</i> . Александру Васильевичу Лаврову	165
<i>Борис Гройс</i> . Три конца истории. Гегель, Соловьев, Кожев	169
<i>Захар Давыдов</i> . М. Кириенко-Волошин. Начало	185
<i>Александр Данилевский</i> . «Повесть о пустяках» Б. Темиряева и «Жизнь Клима Самгина»: Попытка диалога	194
<i>Татьяна Двинятина</i> . Поэзия И. А. Бунина: Новые источники для научного издания (Проблемы текстологии. II)	208
<i>Павел Дмитриев</i> . Андрей Левинсон в журнале «Аполлон» (1911—1915)	224
<i>Александр Долинин</i> . Две книги на стуле около кровати (Из комментария к роману Набокова «Дар»)	241

<i>Борис Егоров.</i> Эпизоды из истории «Библиотеки поэта» (из дневника 1965 и 1967 годов)	258
<i>Александр Жолковский.</i> «Из новейших одобрялся несомненно один Тургенев...»	266
<i>Петр Заборов.</i> «Кандид» в переводе Ф. Сологуба	282
<i>Евгения Иванова.</i> «Бледные ноги» в судьбе Валерия Брюсова	288
<i>Борис Кац.</i> «...И поет о священной мести...» Еще одна попытка прокомментировать стих из «Поэмы без героя» Анны Ахматовой	295
<i>Роджер Кийз.</i> Незамеченный символист: У. Б. Йейтс и Россия ...	303
Неизвестные письма Александра Добролюбова 1930-х годов. Публикация <i>Александра Кобринского</i>	317
Неопубликованный перевод Николая Гумилева: «Баллада о темной лэди» С. Т. Кольриджа. Публикация <i>Кирилла Корконосенко</i>	324
<i>Николай Котрелев.</i> Вяч. Иванов и Вл. Соловьев (заметки к проблеме понимания мистического дискурса)	331
<i>Ксения Кумпан.</i> К истории возникновения Соцкома в Институте истории искусств (Еще раз о Жирмунском и формалистах)	345
<i>Ярослав Леонтьев.</i> «Скифы» русской революции (Прибавления к книге)	361
«Целую Ваши лапки — все четыре»: Письма В. Ф. Ходасевича к О. Б. Марголиной. Предисловие, публикация и комментарий <i>Джона Малмстада</i>	373
<i>Жан-Клод Маркадэ.</i> В. В. Кандинский— русский писатель	388
<i>Ольга Матич.</i> Русская эмиграция в Калифорнии	399
<i>Михаил Мейлах.</i> «My dearest Leningradievna!»: Традиция русификации имен танцовщиков «Русских балетов»	409
Вл. В. Гиппиус. Ничтожные слова о ничтожных делах. Предисловие, подготовка текста и примечания <i>Александра Меца</i>	422
<i>Татьяна Мисникевич.</i> К проблеме основного текста в лирике Федора Сологуба: По материалам творческого архива поэта в Рукописном отделе ИРЛИ	434
<i>Татьяна Никольская.</i> К истории одного визита	448
<i>Геннадий Обатнин.</i> «Восьмидесятники» и «потерянное поколение 1914 года»	450
<i>Елена Обатнина.</i> «Крылатый» или «земляной»? (К истории творческих взаимоотношений А. М. Ремизова и «скифов») ...	484
<i>Александр Основат.</i> Из комментария к «Медному всаднику» (2) ..	496
Из поздних замыслов Федора Сологуба: Фрагмент романа «Опостен» (1925—1926). Публикация <i>Маргариты Павловой</i> ...	506

<i>Владимир Паперный</i> . Две заметки об источниках поэмы Вяч. Иванова «Человек»	518
<i>Александр Парнис</i> . Хлебников и неосуществленный журнал «Интернационал искусства» (1919). Новые материалы	530
В. Хлебников. Голова вселенной. Время в пространстве. Публикация, подготовка текста, примечания и комментарии Александра Парниса	
<i>Леа Пильд</i> . «Думы» как сверхстиховое единство в русской поэзии XIX — начала XX века	557
<i>Константин Поливанов</i> . О возможных отзвуках «Петербурга» в «Сестре моей — жизни»	569
<i>Федор Поляков</i> . Автографы символистского круга в архиве Рейнгольда фон Вальтера (I)	574
<i>Ольга Раевская-Хьюз</i> . О «России в письменах» Алексея Ремизова	583
<i>Абрам Рейтблат</i> . Символисты, их издатели и читатели	594
<i>Лена Силард</i> . Ф. Сологуб и наследие герметизма в России начала XX века (к символике «Творимой легенды»)	607
<i>Грета Н. Слобин</i> . Белый и Ремизов: «жизнетворчество» после Революции	625
<i>Игорь Смирнов</i> . Киноавторрефлексивность (на материале советских фильмов 1920—1940-х гг.)	638
<i>Моника Спивак, Михаил Одесский</i> . «Симфонии» Андрея Белого. К вопросу о генезисе заглавия	662
<i>Лариса Степанова</i> . «Нужно было обязательно не читать Данта» (неизвестный экземпляр «Божественной комедии» из библиотеки Блока)	677
<i>Елена Тахо-Годи</i> . Люди Серебряного века и их инскрипты (о некоторых книгах из коллекции А. Ф. Лосева)	692
<i>Галина Тиме</i> . «Другой» в «танцующем» Берлине 1920-х годов	703
<i>Роман Тименчик</i> . Трилистник юбилейный с субботним приложением	710
<i>Дмитрий Токарев</i> . Об одном способе репрезентации визуального Бориса Поплавского (стихотворение «Рембрандт»)	729
<i>Мариэтта Турьян</i> . В. Ф. Одоевский и В. А. Жуковский. Из архивных изысканий	734
<i>Лазарь Флейшман</i> . Неизвестный стихотворный «автопортрет» Бальмонта	741
<i>Борис Фрезинский</i> . Илья Эренбург и Александр Блок (Хронология фактов и комментариев)	751
<i>Роберт Хьюз</i> . Из писем П. П. Сувчинского к А. М. Ремизову 1920-х годов	759

<i>Юрий Цивьян</i> . Графологический жест (Из новых наблюдений в области карпалистики)	771
<i>Л. Д. Зиновьева-Аннибал</i> . Из дневника 1904 и 1906 гг. Публикация <i>Андрея Шишкина</i>	786
<i>Джон Элсворт</i> . Репрезентация эмпирического времени в «Петербурге» <i>Андрея Белого</i>	795
<i>Магнус Юнггрен</i> . Лев Кобылинский, Intermediarius и вице-бургомистр Винтер	806
Библиография <i>А. В. Лаврова</i>	815

НА РУБЕЖЕ ДВУХ СТОЛЕТИЙ

Сборник в честь 60-летия
Александра Васильевича Лаврова

Редактор
О. Карлеева

Корректор
Э. Корчагина

Компьютерная верстка
С. Пчелинцев

Налоговая льгота —
общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2;
953000 — книги, брошюры

ООО «Новое литературное обозрение»

Адрес редакции:
129626, Москва, И-626, а/я 55
Тел.: (495) 976-47-88
факс: 977-08-28
e-mail: real@nlo.magazine.ru
<http://www.nlo.magazine.ru>
ЛР № 061083 от 6 мая 1997 г.

Формат 60×90/16
Бумага офсетная № 1
Печ. л. 53. Тираж 1500. Заказ №

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ОАО «Чебоксарская типография № 1»
428019, г. Чебоксары, пр. И. Яковлева, 16